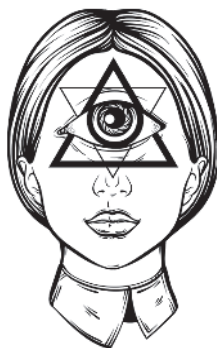

МАСТЕРА
МАГИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА

ДЖО
УОЛТОНЪ

СРЕДИ ДРУГИХ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)
У63

Серия «Мастера магического реализма»
Jo Walton
AMONG OTHERS

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов
Donald Maass Literary Agency (США) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского: *Галина Соловьева*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Татьяны Веряйской*

Уолтон, Джо
У63 Среди других / Джо Уолтон. — Москва: Издательство АСТ,
2018. — 350 с. (Мастера магического реализма).

ISBN 978-5-17-108424-0

Волшебство рядом. Стоит лишь приглядеться. Магия реальна. И Морвенна Фелпс знает об этом не понаслышке. Она победила в неравной битве свою безумную мать-колдунью, но потеряла родную сестру-близнеца. Сбежав к отцу, которого прежде Морвенна никогда не видела, она отправляется в школу-интернат, где от одиночества искушает судьбу и с помощью волшебства решает завести настоящих друзей. Своими действиями она привлекает внимание фейри, странных и чудесных созданий, но Морвенна еще не знает, что семья просто так ее не оставит, а волшебный мир может быть очень страшен.

Copyright © 2010 by Jo Walton
All rights reserved.

© Галина Соловьева, перевод, 2017
© Татьяна Веряйская, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Посвящается всем на свете библиотекам
и библиотекарям, которые изо дня в день сидят там,
одалживая людям книги.

Благодарности и примечания

Я хотела бы поблагодарить тетю Джейн, которая принимала как аксиому, что я буду взрослеть и писать, и ее дочь Сью, теперь Эшвелл, которая дала мне и «Хоббита», и трилогию «Земноморья» Ле Гуин. И еще я благодарна миссис Моррис, моей учительнице валлийского, которая тридцать лет волновалась за меня.

Мэри Лэйв и Патрик Нильсен ободряли меня, пока я писала эту книгу. Мои корреспонденты в Живом Журнале отлично снабжали меня нужными сведениями из самых разных областей, особенно Майк Скотт, без которого я бы не справилась. Не каждый научный консультант на полную ставку так расторопен и информирован. Еще раз спасибо, Майк.

Эммет О'Брайн, Саша Уолтон и, очень часто, Александра Уайтбин терпели меня, пока я писала. Элтер Рейсс купил мне лэптоп DOS, чтобы я могла сохранять написанное, а Джанетт М. Кегг раздобыла к нему аккумулятор. Мой сосед Рене Уоллинг нашел заглавие для этой книги. У меня лучшие из друзей. Серьезно.

Луиза Меллори, Кэролайн-Изабель Кэрон, Дэвид Дайер-Беннет, Фара Мендельсон, Эдуард Джеймс, Майк Скотт, Джанетт Кегг, Дэвид Голдфабр, Ривка Вальд, Шервуд Смит, Сильвия Рэйчел Хантер и Бет Микам прочитали законченную книгу и представили полезные комментарии. Лиз Горински и усердные сотрудники издательства «Тор» проделали большую работу, привлекая внимание к этому роману, и помогли ему встретиться с читателями.

Обычно советуют писать о том, что знаешь, но я нахожу, что писать о том, что знаешь, гораздо труднее, чем придумывать. Изучить историческую эпоху проще, чем собственную жизнь, и проще иметь дело с вещами, которые не дают на тебя эмоционально, на которые смотришь со стороны. Вот почему вы обнаружите, что валлийских долин не существует, под ними не залегают уголь и красные автобусы не бегают по ним вверх-вниз; что никогда не было года под номером 1979, не существует такого возраста, как пятнадцать лет, и такой планеты, как Земля. А вот фейри настоящие.

Эр' перрихис.

Урсула Ле Гуин. Резец небесный

Какой совет вы бы дали себе молодому и в каком возрасте? В любом от десяти до двадцати пяти. Будет лучше. Честно. На свете действительно есть люди, которые понравятся вам и которым понравитесь вы.

Фара Мендельсон, Живой Журнал, 23 мая 2008 года

Четверг, 1 мая 1975 года

Паллетный завод в Аберкумбое убил деревья на две мили вокруг. Мы это вымеряли до миллиметра. Он будто вырос из глубин ада: черное мрачное здание, пыхающее пламенем из труб, отражалось в темных прудах, смертоносных для любого зверя или птицы, рискнувших напиться из них. Запах не поддавался описанию. Проезжая его, мы всегда крепко-накрепко закрывали окна машины и старались не дышать, хотя дедушка говорил, что так долго не дышать никому не под силу, и был прав. Пахло там серой, самым адским из известных элементов, и кое-чем похуже, например безмянным раскаленным металлом и тухлыми яйцами.

Мы с сестрой называли его Мордором и без взрослых еще никогда туда не заходили. И хотя нам было уже

по десять лет, едва сойдя с автобуса и взглянув на него, мы схватились за руки.

Смеркалось, и чем ближе мы подходили к заводу, тем чернее и грознее он выглядел. Шесть труб пылали, четыре рыгали ядовитым дымом.

— Это, конечно, творение Врага, — пробормотала я. Мор не поддержала игру.

— Ты правда думаешь, что получится?

— Фейри не сомневались, — как можно увереннее сказала я.

— Понятно, но точно ли они разбираются в реальном мире?

— Их мир реальный, — возмутилась я, — просто по-другому. Под другим углом.

— Да.

— Да... — Она не сводила глаз с завода, зловеще вырвавшегося с каждым нашим шагом. — Только я не уверена, хорошо ли они понимают мир под обычным углом. А здесь точно обычный мир. Деревья засохли. Здесь на много миль ни одного фейри.

— Потому-то мы сюда и пришли, — напомнила я.

Мы уткнулись в проволочную изгородь: три ряда проволоки, верхний — колючей. С предупреждением: «Без пропуска не входить. Охраняется собаками».

— Здесь собаки? — спросила Мор. Она боялась собак, и они это чуяли. Самые милые собаки, охотно игравшие со мной, на нее дыбили шерсть. Моя мать говорила, что по этому признаку нас можно различить. И не ошибалась, только способ, как всегда у нее, был ужасно жестоким и не слишком практичным.

— Нет, — сказала я.

— Откуда ты знаешь?

— Мы так далеко забрались, потратили столько сил, если сейчас вернемся назад, все погибло. Кроме того, мы идем на подвиг, а от подвига нельзя отступить, потому что боишься собак. Не представляю, что бы сказали на это феири. Вспомни, с чем только не сталкивались настоящие герои. — Я понимала, что это не поможет. И говоря, щурилась из-за сгущавшихся сумерек. Мор крепче вцепилась мне в руку. — И еще, собаки — это животные. Даже обученная сторожевая собака попробовала бы здешнюю воду и умерла бы. Будь здесь собаки, мы бы нашли у лужи хоть несколько собачьих трупов, а я их не видела. Блеф это все.

Мы проползли под проволокой, по очереди приподнимая ее друг для друга. Тихий пруд был как старый нечищенный мельхиор, а пламя из труб отражалось в нем неверными колеблющимися полосами. Ниже виднелись огоньки: вечерняя смена еще работала.

Растений там не было, даже засохших деревьев. Под ногами хрустела зола, я боялась подвернуть ногу на шлаковой крошке. И ничего живого, кроме нас. Звездочки окон на холме напротив казались до смешного недосягаемыми. Там жила одна девочка из нашей школы, мы у нее как-то гостили, так запах чувствовался даже в доме. Ее отец работал на заводе. Я задумалась, не там ли он сейчас.

На краю пруда мы остановились. Он был совсем неподвижным, хотя нормальная вода всегда хоть немного дрожит. Я нащупала в кармане волшебный цветок.

— Твой при тебе?

— Немножко помялся, — сказала сестра, выудив его. Я посмотрела. Мой тоже немножко помялся. Никогда наша затея не казалась мне такой ребяческой и

глупой, как посреди пустыни у мертвого пруда, с помятыми лютиками, которые, по словам эльфов, должны были прикончить завод.

Я не знала, что сказать.

— Ну: ан, дай, трай! — сказала я, и на счет «три» мы кинули цветы в свинцовый пруд. Они канули в воду, не оставив даже ряби. И ничего не случилось. Потом вдалеке залаяла собака, Мор развернулась и кинулась бежать, и я, повернувшись, поспешила за ней.

— Ничего не вышло, — сказала она, когда мы вернулись на дорогу — вчетверо быстрее, чем добирались с дороги к пруду.

— А ты чего ждала? — спросила я.

— Что завод рухнет и превратится в святилище, — сказала она самым будничным тоном. — Ну, или хуорнов.

Я до хуорнов не додумалась и ужасно об этом пожалела.

— А я думала, цветы растают, от них пойдет рябь, и потом все станет рушиться, а руины прямо на глазах покроются деревьями и плющом, и пруд обернется живой водой, и из него с песнями вылетят птицы, и тогда появятся эльфы, поблагодарят нас и уведут во дворец.

— Но ничего не вышло, — вздохнула сестра. — Завтра придется им сказать, что не сбылось. Ну что, домой пешком пойдем или подождем автобуса?

Но все сбылось. На следующий день абердэрский «Лидер» вышел с передовицей: «Паллетный завод закрывается: тысячи человек лишились работы».

Я начала с этого места, потому что тут все кратко, точно и внятно, а с остальным не так просто.

Считайте это мемуарами. Считайте, что это мемуары из тех, которым в будущем грозят ужасающие разоблачения, когда обнаружится, что автор лгал и все были не того цвета, пола, класса и вероисповедания, как он утверждал. У меня проблема противоположного свойства. Я всеми силами сопротивляюсь самому обыденному тону изложения. С вымыслом все в порядке. Вымысел позволяет отбирать и упрощать материал. Этот рассказ не легкий и не простой. Но в нем говорится о фейри, так что вы вольны считать его сказкой. Все равно вы вряд ли мне поверите.

Очень личное.

Это НЕ книга для внеклассного чтения!

*Et haec, olim, meminisse iuvabit!*¹

Вергилий. Энеида

Среда, 5 сентября 1979 года

— А как тебе будет хорошо в деревне! — твердили они. — После, как бы сказать, такого индустриального района. Школа там прямо в поле, и еще коровы, трава и здоровый воздух.

Они хотели от меня отделаться. Отправить в интернат, чтобы и дальше делать вид, будто меня не существует. Они никогда не смотрели прямо на меня. Либо глядели мимо, либо вроде как щурились. Я была не из тех родственников, с кем бы они стали водиться, будь у них выбор. *Он*, может, и смотрел иногда — не знаю. Я не могла взглянуть прямо на него. Делала это уклад-

¹ И это когда-нибудь будет приятно вспомнить! (*Лат.*)

кой, вбирая его: бороду, цвет волос. Походил ли он на меня? Не берусь сказать.

Старших сестер у него было три штуки. Я видела фотографию, где они намного моложе, но лица точь-в-точь такие же, а одеты все подружками невесты, и моя тетушка Тэг рядом с ними выглядела смуглой как ягода. Моя мать тоже была на снимке в ужасном розовом свадебном платье — розовом потому, что это было в декабре, а в июне уже родились мы, и она хоть немного стыдилась — но *его* там не было. Его она оторвала. Его она вырвала, вырезала или выжгла со всех свадебных фотографий, после того как он сбежал. Я никогда не видела его снимков, ни единого. В книжке Люси Монтгомери «Джейн с маяка» девочка, у которой родители развелись, сама того не ведая, узнает отца по фото в газете. Прочитав эту книгу, мы пересмотрели немало фотографий, но ни одна на нас не подействовала. Честно говоря, мы нечасто *о нем* задумывались.

Даже оказавшись в его доме, я не слишком поверила, что он настоящий — он и три его властные сводные сестры, велевшие мне называть их тетями. «Никаких „тетушек“, — сказали они. — Тетушка — это просто речие». И я стала звать их тетями. Звали их Антея, Доротея и Фредерика, я это знала, как знала многое, хоть и не все было правдой. Рассказам матери нельзя доверять без проверки. Но не все можно проверить по книгам. И все равно имена были мне без толку, потому что я их не различала, так что называла каждую просто «тетя». А они обращались ко мне «Морвенна» — очень официально.

— Арлингхерст — одна из лучших в стране школ для девочек, — сказала одна из них.

— Мы все в нее ходили, — подхватила другая.

— Самые веселые времена, — закончила третья. Они, как видно, привыкли размазывать любую фразу на всех.

Я стояла перед холодным камином, выглядывая из-под челки и опираясь на трость. Трости они тоже предпочитали не замечать. Я заметила на их лицах жалость, когда впервые вышла из машины. Такого я терпеть не могла. Мне хотелось бы сесть, но говорить об этом я не собиралась. Я теперь намного лучше держалась на ногах. И собиралась поправиться, что бы ни считали врачи. Мне иногда так хотелось пробежаться, что ныло все тело — сильнее, чем больная нога.

Чтобы отвлечься, я отвернулась и стала разглядывать камин. Он был мраморный, очень вычурный, с медными накладками в виде березовых веток. Все там было очень чисто, но не слишком уютно.

— Так что мы сегодня же купим тебе в Шрусбери форму и завтра отвезем туда, — сказали они. Завтра... Им и впрямь не терпелось от меня отделаться — вместе с моим отвратительным валлийским акцентом, и хромотой и, что хуже всего, с моим нежелательным существованием. Мне тоже не хотелось у них оставаться, беда в том, что больше деваться мне было некуда. До шестнадцати лет не разрешается жить одной. Это я выяснила в Приюте. А *он* — мой отец, хоть я его раньше никогда и не видела. В том же смысле, в каком эти женщины — мои тетки. От этого мне было одиноко и бездомно, как никогда. Я скучала по настоящим родным, которые меня подвели.

Остаток дня заняли покупки с тремя тетями, но без *него*. Не знаю, радовалась я этому или жалела. Форма для Арлингхерста продавалась в особых магазинах, как и форма для моей начальной школы. Как мы гордились, сдав экзамен на переход в среднюю! Нас называли «сливками долины». Теперь всему этому конец, а меня запикивают в какой-то интернат для снобов с ненормальными правилами. У одной тети был список, мы все по нему покупали. Денег они определенно не жалели. Никогда еще на меня так много не тратили. Жаль, что все покупки были такие жуткие. В том числе особая форма для спортивных игр. Я не сказала, что она мне вряд ли пригодится. Этой мысли я избегала. Все детство мы пробегали. Мы выигрывали кроссы. На школьных кроссах мы большей частью соревновались друг с другом, оставив остальных далеко позади. Дедушка даже говорил про Олимпийские игры — просто так мечтал, но вслух. Он сказал, что ни разу еще на Олимпиадах не выступали близнецы.

С обувью вышла проблема. Я позволила им купить хоккейные ботинки, беговые туфли и чешки для гимнастики, потому что их я либо смогу надеть, либо уж нет. Но когда дошло до форменной обуви на каждый день, пришлось теток остановить.

— Я ношу специальную обувь, — сказала я, не глядя на них. — С особой стелькой. Ее надо делать у ортопедов. Просто купить нельзя.

Продавщица подтвердила, что в школьном отделе таких не купить. Она показала нам школьные туфли. Уродливые, почти такие же неуклюжие, как носила я.

— А в этих ты ходить не сможешь? — спросила одна тетя.

Я взяла школьные туфли и осмотрела.

— Нет. — Я перевернула туфлю. — Смотрите, у них каблук.

Спорить не приходилось, хотя школа, вероятно, выбрала самый малый каблук, на который согласилась бы уважающая себя девочка-подросток.

Они не нарочно унижали меня, цокая языками над моими туфлями, надо мной и моей сделанной по особому заказу стелькой. Пришлось им напомнить, что торчу рядом как столб, с кривоватой от боли полуулыбкой на лице. Им хотелось спросить, что у меня с ногой, но я их переглядела, и они не решились. Сдались и сказали, что насчет туфель в школе наверняка поймут.

— Мои туфли ведь не какие-нибудь красные и гламурные, — заметила я.

И напрасно, потому что все они устали на мои туфли. Туфли для калек. У женщин-калек имелся выбор между коричневыми и черными, и эти были черные. И деревянная трость. Она принадлежала дедушке, еще живому, который лежал в больнице и пытался поправиться. Если он выздоровеет, я смогу вернуться домой. Маловероятно, если подумать, но больше мне надеяться было не на что. Деревянный брелок для ключей болтался на молнии моего джемпера. Обрезок дерева с корой из Пемброкшира. Он остался у меня с прежних времен. Я его потрогала, чтобы ощутить под пальцами дерево, и поймала на себе их взгляды. И увидела то, что видели они: забавная, чуточку ершистая увечная девчонка с невзрачным обрезком деревяшки. А следовало бы увидеть двоих светящихся верой в себя детей. Я знала, что происходит, а они нет и ни за что бы не поняли.